

Партизанское подполье в прифронтовой Выксе

После окончания начальной школы в возрасте 11 лет я из Выксы одиноко добрался в г. Одессу к бабушке, которая жила с дочерью - маминой сестрой и внучкой. Через три дня после моего приезда началась Великая Отечественная война. Из оборонявшейся Одессы морем нас эвакуировали на восток. Задержались в Сталинграде, где я успел проучиться в школе около двух месяцев. Мать потребовала вернуть сына в Выксу. На речных судах в холоде и голоде по предзимним рекам Волге и Оке мы доплыли до Выксы, в начале ноября 1941 года с речной пристани в Досчатом сошли на убелённый первым снегом берег.

Выкса встретила нас настороженной светомаскировкой, керосиновыми коптилками в домах и хлебными карточками, с устроенными вблизи жилья щелями на случай налёта вражеской авиации. Завод ДРО, ставший номерным, охранялся часовыми на вышках по периметру завода и с овчарками в тёмное время. По ночам слышен был надрывный гул тяжёло груженых немецких бомбовозов, пролетавших мимо Выксы вдоль р. Оки на г. Горький бомбить военные заводы. Всё это было нам знакомо и пережито в дни обороны Одессы.

В октябре 1941 г. разгорелись ожесточённые бои на важнейших направлениях к Москве. Путём глубокого обхода нашей столицы противник намеревался замкнуть окружение города. Враг уже находился в пределах соседней Рязанской области, примерно в ста километрах от Выксы (см. карту). Когда мы покидали Сталинград сводки Совинформбюро доносили до нас неутешительные вести: ожесточённо сопротивляясь, наши войска отступали на восток, оставляли город за городом. Но мы верили в победу, не сомневались, что враг будет остановлен и разгромлен. Так оно и случилось: 6 декабря 1941 г. началось решительное контрнаступление советских войск под Москвой. Центральная группа немецко-фашистских войск была разгромлена и отброшена от стен столицы, что привело к первому крупному поражению гитлеровской армии во второй мировой войне.

Мою тётю, Александру Макаровну Харченко, по рекомендации Выксунского райкома партии райздравотдел назначил на должность заведующей Ново-Дмитриевской больницы, и я некоторое время учился в тамошней школе. Пережив снежную с трескучими морозами зиму, с наступлением тёплых дней новая заведующая больницей взялась за создание подсобного хозяйства. Силами женского медперсонала, с помощью больничной лошадки и старика-конюха всю землю внутри и вокруг больничной усадьбы распахали и засадили картошкой, капустой и прочими овощами, посеяли просо. С наступлением сенокосной поры в достатке заготовили сена для лошади и больничных коров.

В одном из писем Александра Макаровна, вспоминая о своей жизни в годы работы в Ново-Дмитриевской больнице, писала мне: «Я одна, врач, обслуживала шесть кол-

хозов, два лесопункта, вела стационар и амбулаторный приём больных. По району посекала больных на дому, вела профилактическую работу по предотвращению инфекций. Выполняла задания по обеспечению рубки леса для заводов,бору тёплых вещей для армии. Как только я всё это выдержала».

Но об одном факте, существенном для меня - жителя Выксы и неравнодушного к краеведению, молчала Александра Макаровна. Через много лет, вспоминая о годах военного лихолетья, она открыла дочери Светлане тайну её сопричастности к созданной в Выксе подпольной группе. Об этом факте, не придавая ему значения, Светлана в просторных воспоминаниях о прошлом, недавно упомянула в письме и повторила по моей просьбе в телефонном разговоре. При постановке на партийный учёт в Выксунском райкоме партии (ещё в 1939 году Выксунская парторганизация была разделена на городскую и районную) с её мамой состоялся совершенно секретный разговор. Александра Макаровна Харченко была введена в состав подпольной партгруппы на случай сдачи города противнику. Учитывалось, что в городе её никто не знает. Членом партии она была с 1930 г., имела опыт активной работы в комсомоле, избиралась секретарём райкома партии, образована. Как врач по заданию партии участвовала в ликвидации вспышки опасного инфекционного заболевания у населения Киргизии. Определяя секретное задание вновь прибывшему партийцу Выксунский райком руководствовался специальным решением ЦК ВКП(б) от июля 1941 года «Об организации борьбы в тылу германских войск». В районах, которые могли быть заняты противником, заранее создавались подпольные партийные и комсомольские ячейки для руководства партизанским движением.

После освобождения Одессы от немецко-фашистских оккупантов в 1944 году семья Александры Макаровны возвратилась на прежнее местожительство. Она продолжила, прерванную на годы войны, работу в научно-исследовательском медицинском институте в качестве научного работника. Защитила кандидатскую диссертацию, ей было присвоено учёное звание - доцент. Написала докторскую диссертацию, но пришлось отложить защиту, так как возникла необходимость воспитания внучки на время получения дочерью высшего медицинского образования. Ныне дочь и внучка - врачи, продолжают её дело. В апреле 2009 г. Александре Макаровне Харченко, умершей в 1983 г., - 100 лет со дня рождения.

К осени 1941 года в нашем городе были и другие эвакуированные люди. Я дружил с одним из них, мальчиком из Москвы. Следом за нами в Выксу приехала с дочкой другая моя тётя, Мария Макаровна Зайцева, успевшие выбраться из Одессы накануне вступления в город неприятеля. Много лет спустя, вспоминая то время, подумав, я удивился, как легко она приспособилась к новой жизни в условиях эвакуации. Быстро устроилась на «хлебную» работу в магазин продавать хлеб по карточкам, талоны от которых первое время я помогал ей наклеивать для отчёта. Затем получила комнату в «элитном» доме на улице Красные Зори. Была она чернявой красавицей, одевалась в «комиссарскую» кожаную куртку – подарок мужа, секретаря обкома партии в одесском партизанском подполье. Последнее, видимо, помогало ей легко открывать двери кабинетов городских начальников, хотя сама она была беспартийной.

Анатолий Торунов

20 октября 2008 г

PS. С сокращением (мелкий шрифт) опубликована
в № 124 газеты «ВР» 29 октября 2008 г.